

Михаил Борисович Бару, кандидат технических наук, руководитель службы разработки и производства пептидов ООО «Глобалхимформ»
(г. Долгопрудный Московской обл.)

Из видеообращения

Уважаемые участники опочецких историко-краеведческих чтений! Прежде всего, позвольте поблагодарить вас всех и Александра Владимировича Кондратеню лично за приглашение в них участвовать. Наверное, я должен сказать несколько слов о себе.

Вот уже более десяти лет я путешествую по маленьким городкам нашей русской провинции и пишу о них. Об их истории и об их сегодняшнем дне. В Опочку я приехал случайно. Однажды я услышал, как Иннокентий Смоктуновский читает пушкинское «Признание». Мне, если честно, не понравилось, но строка «и путешествие в Опочку» меня заинтересовала. Полез я смотреть карту и нашел Опочку в том самом месте, где она уже шестьсот лет обретается. Обычно я интересуюсь, есть ли в городе краеведческий музей. Я, как правило, езжу только в те города, где такие музеи есть. Раз музей есть – значит, есть хранители истории, есть краеведы. Значит, туда можно поехать и поговорить с теми, кого эта история интересует. К счастью, в Опочке все это есть.

Теперь, собственно, об очерке по истории Опочки, который я написал и о его подзаголовке «Опыт биографии Опочки и ее уезда». То есть, когда я начинал его, то мне казалось, что это будет очерк, а получилась целая повесть. Я сознательно написал «биографии», потому что рассматриваю Опочку и уезд как сложный живой организм, биография которого состоит из биографий всех тех, кто жил в этом городе и уезде или когда-либо имел к ним отношение. При этом нужно понимать, что организм этот вырос не в чистом поле, а в поле, которое называется Россия. Потому и повесть свою я назвал «Колокола Федора Максимова» – опочецкого колокольных дел мастера. Федор Максимов был, если так можно сказать, последним из местных колокольных могикан. Без малого двадцать лет он занимался литьем колоколов. Можно было бы про него и не рассказывать вовсе – к истории города Опочки колокола Федора Максимова немного добавят, но человек, как известно, не остров, а часть материка, который в нашем случае называется Опочка, и потому не будем спрашивать: по ком звонили отлитые им колокола, и материк уменьшать не станем. Никто не знает, сохранились

Бару М. Б. Колокола Федора Максимова

или нет колокола работы Максимова на звонницах Псковщины или Прибалтики, которая в те времена была частью империи, но, может быть, они и сейчас звонят по кому-нибудь из нас.

На этом месте нужно сделать остановку и поблагодарить Александра Михайловича Гордина за его работу «Опочецкий мещанин и медного дела мастер», из которой я, собственно, и узнал о существовании Федора Максимова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить и всех тех опочецких краеведов, работами которых я пользовался при написании своей повести. Список этих работ приведен мной в библиографическом разделе.

Вернемся теперь к биографии Опочки. Она написана мною, если так можно сказать, как житийная икона – в центре биография Опочки, а в примечаниях (или клеймах, говоря церковным языком), которых около полусотни, эпизоды из жизни опочан, их судьбы, или те события, которые находятся как бы на периферии биографии самой Опочки или даже немного за ее краем. Приведу еще два примера.

Пример первый. Все мы знаем о героической осаде Опочки в 1517 году. Войско Константина Острожского сняло осаду после того, как, с одной стороны, польские командиры увидели, что Опочка – крепкий орешек, который им не по зубам, а, с другой, не начались боевые действия у них в тылу. В Великих Луках стояли приграничные войска под командой князя Ростовского. Оттуда отправили два отряда, под командой так называемых «легких» воевод – князя Федора Оболенского-Телепнева по прозвищу Лопата и Ивана Ляцкого. Легких, потому что эти отряды были малочисленными, но исключительно подвижными. Они нападали на войско Острожского сзади и мгновенно отходили, уводя с собой пленных. Все шедшие навстречу Острожскому подкрепления эти воеводы перехватили и разбили. Через семнадцать лет окольный Иван Ляцкий, назначенный вторым воеводой сторожевого полка в Коломне, бежал к польскому королю Сигизмунду вместе с боярином князем Семеном Бельским. Бежал, опасаясь происков Елены Глинской. В Польше и прожил до самой смерти еще восемнадцать лет. Принят был королем благосклонно и облагодетельствован земельными пожалованиями. На основании данных Ляцкого картограф Антон Вид составил подробную карту Московии. Хорошая была карта и названия русских областей и городов на ней были очень точными. Опочка (Opotzki) на ней тоже есть. Антон Вид сам признавался, что большую помощь в создании карты ему оказал Иван Ляцкий, окольный великого князя Московского. Ляцкий, по настоянию Сигизмунда Герберштейна, составил описание Московии, которым и пользовался Антон Вид при составлении своей карты.

Между прочим, Каспар Вепелиус, на карте которого тоже отмечена Опочка, пользовался в своей работе картой Антона Вида. Карта Вепелиуса появилась в 1555 году, а Ляцкий послал Герберштейну, с которым состоял в переписке, свою карту уже в 1541 году. Вот и выходит, что Опочка впервые

появилась на карте Европы благодаря Ивану Ляцкому, который сначала помог разбить поляков и литовцев, а потом к ним убежал. Вряд ли мог он забыть про события пятисот семнадцатого года, пусть и через семнадцать лет. С одной стороны эта история к истории самой Опочки имеет очень отдаленное отношение, а с другой... пусть читатель сам решит.

Теперь другая история. В восьмьсот семьдесят первом году произошло событие, не имеющее к истории Опочки никакого отношения. Оно и к Опочецкому уезду... Короче говоря, была в уезде деревня Шукино. Теперь она в соседнем Пустошкинском районе, ну да это все равно. Исстари владели этой деревней опочецкие помещики Назимовы. Род у них был старинный, известный еще с пятнадцатого века. Еще при Иване Грозном Назимовы ходили в походы против татар, Литвы и Ливонского ордена. С восемнадцатого века Назимовы стали служить во флоте. Павел Николаевич Назимов, сын вице-адмирала Николая Николаевича Назимова, в тысяча восьмьсот семьдесят первом году, командуя в чине капитана второго ранга винтовым корветом «Витязь», совершил переход из Кронштадта вокруг Южной Америки в Тихий океан в залив Астролябии и по просьбе Русского Географического общества высадил Н. Н. Миклухо-Маклая на северо-восточный берег Новой Гвинеи. Еще и открыл пролив, названный по имени его корабля – «Витязь». В Шукино Павел Николаевич приезжал отдыхать между своими многочисленными походами. Может, можно было бы и не вспоминать, но... нельзя. И это биография Опочки.

Таких историй, конечно, не две и не три, а множество. Как мне кажется, каждые сто лет (если не пятьдесят) должна выходить новая книга об Опочке и о ее уезде, подобно тому, как к пятисотлетию Опочки вышла книга Леонида Ивановича Софийского, а еще раньше книга Леонтия Автономовича Травина. Полагаю, что с книгой к шестисотлетию города опочецкие краеведы уже запаздывают. Я здесь не имею в виду рекламные буклеты, пусть даже и очень хорошие. Нужна серьезная большая книга со множеством подробностей, без которых не бывает биографий. Была бы моя воля, я бы подобного рода биографии издавал в серии «Жизнь замечательных русских городов», подобно тому, как многие десятки лет издаются книги «Жизнь замечательных людей».

Моя работа, безусловно, таких книг не заменит, да я и не ставил перед собой такой цели. Моя цель была другой – рассказать нашему соотечественнику об Опочке, о городе с интереснейшей историей, о которой, к великому сожалению, мало кто знает. Рассказать так, чтобы эта история заинтересовала не только опочан. Ну, а как у меня это получилось, судить уже не мне, а читателям.

Очерк об Опочке М. Б. Бару опубликован в журнале «Волга» – прим. ред.

Михаил Борисович Бару

Колокола Федора Максимова

(отрывки из публикации в разделе «Путешествия» в литературном журнале «Волна», №1-2 (496), 2022, стр.141-211; печатаются с разрешения автора)

Первый раз Опочка родилась мало того, что не в том месте, на котором она сейчас находится, но еще и под другим именем. Называлась она Коложо или Коложе и находилась в двенадцати километрах от современной Опочки. [...]

[После разрушения и разграбления...] Восстанавливать Коложе не стали. Через восемь лет после его разрушения, то есть в четыреста четырнадцатом году, псковичи построили новый Коложе в излучине реки Великой и назвали его Опочкой. [...]

Возвели крепость на удивление быстро – всего за две недели. В Псковской летописи по этому поводу записано: «сделаша у весь в две недели в осень по Покров», то есть в середине октября. Почему в такие короткие сроки, понятно – в тот год неугомонный Витовт взял штурмом и сжег еще один укрепленный пригород Пскова – Себеж. В такой ситуации медлить не приходилось.

Новорожденная крепость была деревянной. Общая протяженность стен составляла около полукилометра. С самого начала в крепости имелось двое ворот – Большие юго-восточные и Малые северо-западные. Между двумя частоколами толстых дубовых бревен насыпали землю и обломки местного известняка. Как строительный материал он никуда не годился, поскольку был очень непрочен, но в качестве бутового камня был на своем месте – крепостную стену с таким наполнением артиллерия того времени не пробивала – ядра, если и проламывали наружный частокол, то непременно вязли в земле, перемешанной с камнями. Кроме того, этим камнем, который во множестве находили, когда копали ров, устилали основание вала, а уже на него насыпали землю. [...]

В середине шестнадцатого века Опочка появилась на европейской карте Каспара Вовелиуса – известного немецкого картографа и изготовителя глобусов. [...]

К середине восьмидесятых годов шестнадцатого века относится первое описание Опочки. Находится это описание в «Подлинной писцовой книге» за номером пятьсот тридцать пять и составлено писцами Григорием Дровниным и Иваном Мещаниновым-Морозовым.

«...Город Опочка на Великой реке на острову древян, а в нем двор наместнич да двор воевоцкой. Внутри ж города места осадные детей боярских и городовых прикасщиков...» Осадные места были, прямо скажем,

очень маленькими – три на две сажени или двадцать семь квадратных метров прописью. Немногим больше площади современных комнат в однокомнатных квартирах, но без каких-либо удобств. И на этой площади нужно было поставить дом, выкопать выгребную яму и посадить хотя бы одну грядку лука с чесноком, которыми закусывать и лечиться от всех болезней. О капусте и говорить нечего. С другой стороны – жили там люди военные. Выбирать им не приходилось. С третьей стороны, если вспомнить размеры самой крепости, то и такая площадь покажется немаленькой. Это был так называемый Верхний город, который тоже делился на две части – возвышенную на востоке и пониженную на западе и на юге. Все это напоминало деление пятака на грош и алтын, но в верхней части Верхнего города жило городское начальство, и там осадные места были побольше – четыре или даже шесть сажений в длину, но в ширину все равно две.

Несмотря на почти игрушечные размеры домов, да и самой крепости, была в Опочке Большая Спасская улица, шедшая вокруг холма от Малых ворот к главным, Большим. Возле Больших ворот была устроена площадь, в центре которой стояла колокольня и соборная церковь Св. Спаса, и еще одна церковь – Преподобного Сергия Радонежского и два двора – Наместничий и Воеводский. Кроме Большой Спасской улицы в Верхнем городе имелись еще две – Сергиевская и Петровская. Петровская улица начиналась в нижней части Верхнего города и шла по южному краю... На Петровской улице, у церкви Св. Петра была площадь, на которой гарнизон занимался строевой и боевой подготовкой, хотя... вряд ли строевой. Ей до Петра уделяли мало внимания. Там же происходили воинские сборы в случае осад и походов и собирались граждане Опочки на общественные собрания. На площадь выходили ворота порохового погреба, перед которыми стояла сторожевая изба, а точнее, сторожка. На внутренних сторонах городских валов теснились клетки, то есть кладовки и погреба пушкарей, воротников, стрельцов, попов, церковных дьячков, пономарей, кузнецов, шорников и дворников. Впрочем, с дворниками я погорячился – вряд ли они там были. Лучше заменим их плотниками. В городе существовала и богадельня, поскольку в описании упоминается клеть старца «багаделные избы». Видимо, стариков в богадельне было несколько, поскольку в другом месте Подлинной писцовой книги читаем: «На островку на Великой реке огород богадельных старцев». Островок этот расположен аккурат напротив входа в нынешний отель «Опочка», и огородов на нем теперь никаких нет, а только непроходимые заросли крапивы, лопухов и осоки, среди которых то тут, то там виднеются рыбаки, уставшие отвечать, что не клюет.

Упоминается в описи «подклетушко полторы сажени вдовы Анны Гавриловской жены мельника...». Стало быть, имелся и мельник, а к нему прилагалась и мельница. Скорее всего, поставили ее где-нибудь на Великой, а не в Верхнем городе, где и без того яблоку негде было упасть. «...И всего

внутри города царя и великого князя 6 житниц, онбар да погреб, да 6 мест пустых, да детей боярских, и монастырских, и церковных, и пушкарев, и воротников, и стрелцов осадных мест и клетей 137, да 197 мест пусты, а людей у них нет...», а если бы были, добавим мы, то сидеть бы им на головах друг у друга.

По правую руку от острова, на котором стоял Верхний город, находился еще один остров, отделенный от берега Великой прокопанным рвом. На этом острове располагался Нижний город, огороженный крепостной стеной с девятью башнями, но в описываемое время он еще не существовал, а на его месте находились посады и слободы – Пушкарская, Стрелецкая, Никольская, Воронежская, Козьмодемьянская, а в них улицы Никольская Большая, Федосова, Воротницкая, Воронежская, Пушкарская, Жидовская (нет, евреев в те времена в Опочке еще не было, а Жидовская улица называлась так потому, что упиралась одним концом в речку Жидовку, которая, в свою очередь, называлась так потому, что вытекала из болота и была маловодной, то есть жидкой – из примечания автора) и два переулка со смешными названиями – Пиндин и Пундин. Был еще посад на противоположной, левой стороне реки Великой, и назывался он Завеличьем. Правда, Козьмодемьянская слобода была почти пуста, на улицах Жидовской, Федосовой, в Пундине переулке «дворы черные пустые и места порожжие», лавочных мест имелось больше трех десятков, а занято было всего девятнадцать, на территории будущего Нижнего города стояло всего семь дворов и проживало в них ровно семь человек. «Слободка Никольского монастыря, что на Опочке на посаде, а в ней 17 дворов бобыльских... а живут в ней Никольские бобылки...». Оно и понятно – закончилась Ливонская война, и закончилась для России неудачно. Про то, чем закончилось для России, особенно для ее приграничных западных областей, правление Ивана Грозного, можно и не вспоминать. Опочка, конечно, врагу не сдалась, но от войны ей досталось. Потому и «дворы черные пустые и места порожжие», потому и бобылки, потому и лавочных мест куда больше лавок. [...]

... в самом начале восемнадцатого века, в восьмом году, при разделении Петром Первым России на восемь губерний, Опочка была приписана к Ингерманландской губернии. Через одиннадцать лет Опочка, не сходя со своего места, уже оказывается в Псковской провинции Санкт-Петербургской губернии, а еще через восемь лет уже в Новгородской. Еще через сорок три года, в семьсот семьдесят втором году в царствование Екатерины Второй, Опочка нежданно-негаданно становится губернским городом во вновь образованной Псковской губернии. В наказе, данном императрицей в мае семьсот семьдесят второго года губернаторам Псковской и Могилевской губерний, так прямо и сказано: «назначается Опочка, который для того и устроить нужно».

Начальником над Псковским губернатором был генерал-губернатор Белоруссии граф Захар Григорьевич Чернышев. Он, исполняя наказ, представил на утверждение императрице доклад, в котором писал: «... При заведении Белорусских губерний, Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейше угодно было повелеть одну из оных, а именно Псковскую губернию устроить въ городе Опочке, и сей город наименовать губернским; а на построение тамо губернской (канцелярии), також губернаторскаго и служащим при той чинам домов и разных казенных строений по всенижайшему моему представлению, между прочими. И на сей город сумма отделена, из коей уже заготавлиются разные материалы, потребные к произведению в оном каменных строений. Но как сей город нынешнего года в сентябре месяце от пожарного случая столь претерпел, что с соборною церковью других еще 4 и при том не малая часть прежних деревянных строений огнем истребились, о чем от меня и Правительствующему Сенату в свое время донесено; а тем теперь очистились особливо те места, где нужно было застроить губернскую канцелярию и дома губернаторской и прочих при губернии служащих, также и другие строения, то сделанный план проектируемых в том городе Опочке строений, к Высочайшему Вашего Императорского Величества усмотрению, всеподданнейше поднося, прошу Всемилостивейшего утверждения; и осмеливаюсь доложить, не угодно ли будет Вашему Величеству, чтоб на построение каменной соборной церкви употребить до 1000 рублей из той суммы, которая по Псковской губернии, за учреждением почт и от содержания оных в прошлом 1773 году осталась и в наличности тамо хранится и никуда не назначена». На докладе генерал-губернатора Екатерина Великая начертала «Быть по сему». Утвердили план 12 декабря 1774 года.

И стало по сему. В Опочке вместо должности коменданта учредили должность обер-коменданта, и на эту должность назначили генерал-майора Гиршейда. При Чернышеве начали готовить Опочку к роли губернской столицы. Начали строить Спасо-Преображенский собор, а на площади, которая теперь называется Советской, выстроили два огромных, в масштабе Опочки, конечно, каменных двухэтажных корпуса. Один из них предназначался для казармы, а другой для присутственных мест, в котором размещалось казначейство и тюрьма. Эти здания и сейчас там стоят. В семидесятых годах девятнадцатого века на одном из корпусов надстроили еще два этажа и продали его из казенной собственности городу за тридцать тысяч рублей. На другом надстроили всего один этаж. Теперь оба корпуса, сильно обветшавших, принадлежат городу. [...] От собора, который находился между корпусами присутственных мест, и вовсе ничего не осталось [...] ...но тогда, в восемнадцатом веке, его в девяносто пятом году достроили и освятили. На соборной колокольне висело девять колоколов, и самый большой был весом почти в сто пудов. Отливали этот колокол в

Москве и употребили на отливку медь, оставшуюся от колокола сгоревшей во время большого пожара в семьдесят четвертом году деревянной церкви (*В то время, как опочецкое начальство заказывало в Москве колокола для нового Спасо-Преображенского собора, в Опочке жил свой, опочецкий, колокольных дел мастер Федор Максимов. Сложно сказать, почему соборные колокола не заказали у него, хотя с квалификацией было все у него в порядке – колокола работы Максимова имелись и на псковских храмах. Может быть потому, что в конце восемнадцатого и весь девятнадцатый век жители Псковской губернии предпочитали заказывать колокола в Москве. Могли лить у себя дома, во Пскове, могли в Петербурге, поскольку он ближе, но... хотели только в Москве. Кто их знает почему. Может, звон московских колоколов был бархатнее и малиновее. Может, там было дешевле или быстрее делали. Так или иначе, а московские колокола всех псковских мастеров пустили по миру, и Опочка, если судить по документам, была последним местом на Псковщине, где еще жил промысел перед тем, как умереть окончательно. Федор Максимов был, если так можно сказать, последним из местных колокольных мозикан. Без малого двадцать лет он занимался литьем колоколов. Можно было бы про него и не рассказывать вовсе – к истории города Опочки колокола Федора Максимова немного добавляют, но человек, как известно, не остров, а часть материка, который в нашем случае называется Опочка, и потому не будем спрашивать, по ком звонили отлитые им колокола, и материк уменьшать не станем. Никто не знает – сохранились или нет колокола работы Максимова за звонницах Псковщины или Прибалтики, которая в те времена была частью империи, но, может быть, они и сейчас звонят по кому-нибудь из нас – прим. автора).* В соборе хранились самые почитаемые опочецкие иконы: прострелянный литовцами в четыреста двадцать шестом году образ Всемилоственного Спаса и икона Опочецкой Божией Матери «Умиление». Находилась в соборе икона, изображавшая во весь рост Екатерину Вторую, а под ее изображением была помещена надпись «Екатерине Великой и Премудрой слава Созидательнице сего храма».

Стали Опочку отстраивать по генеральному плану, утвержденному Екатериной. Отдельно нужно сказать и о плане, разработанном выдающимся русским архитектором Иваном Егоровичем Старовым. По этому плану Опочка, расчищенная пожаром, должна была стать не просто губернским городом Российской империи, но европейским губернским городом. Планировалось устроить площади, на одной из которых должен был стоять православный собор, а на другой римско-католический костел. Предусмотрели въезды и выезды в город, торговые ряды, соляные магазины, воинский городок, батальную школу, места для огородов, прописали подробно, какой должна быть регулярная застройка вплоть до примерных размеров домов и их функционального назначения. На главном проспекте

обозначили дома губернского начальства. Запланировали даже пригородный еврейский посад. Для военных решили построить гарнизонные и офицерские дома, а по двум сторонам моста через Великую поставить артиллерийские батареи с крытыми галереями при них, чтобы содержать технику и в зимнее время. Пушки этих артиллерийских батарей должны были смотреть на Запад. С направлением стрельбы все оставалось по-прежнему. Уже и подрядчиком был выбран опочецкий купец Игнатий Порозов, поставлявший стройматериалы, уже и начали строительство в семьдесят пятом году, уже и построили корпуса, как вдруг карта империи легла по-другому в связи с присоединением Польши, и Опочка в семьдесят седьмом году из губернского города одним росчерком царского пера превратилась в уездный. Деньги на постройку новых губернских зданий сразу перестали выделять.

Целый пять лет Опочка прожила столицей губернии. На память об этом времени остались у нее два больших каменных корпуса на Соборной площади, план Старова, и дом генерал-губернатора, в котором он, скорее всего, не жил ни дня. Дом этот и теперь стоит на углу улиц Ленина и Коммунальной, которые раньше были Великолуцкой и Новоржевской. В нем на первом этаже квартируют кафетерий и магазин «Молоко», и на самом углу висит памятная табличка о том, что дом является памятником архитектуры, объектом культурного наследия федерального значения и охраняется государством. Правда, [...] весь внешний вид дома с полуслепыми, мутными окнами говорит о том, что государство манкирует своими обязанностями. В нем, наверное, и привидений-то нет, если только на чердаке, за красивым полуциркульным окном, запыленным и закопченным до черноты. Правду говоря, дотошные краеведы выяснили, что дом этот был построен позже, в начале девятнадцатого века, а Чернышев и Кречетников, когда приезжали, то останавливались в самых обычных деревянных домах, если, конечно, вообще приезжали, но мы в этом месте копать глубже не будем... [...]

В декабре семьдесят восьмого года Екатериной Второй был утвержден новый план уже уездного города Опочки. Именным указом тверскому, новгородскому и псковскому наместнику генерал-поручику Якову Сиверсу (теперь Опочка находилась в его ведении) было предписано «Употребить казенное каменное в городе Апочке на помещение уездных правлений разного звания, магазейнов и городской школы... чтоб нижнее жилья зданий оных обращено было на торговые лавки».

В мае семьсот восемьдесят первого года был утвержден герб уездного города Опочки... [...]

Библиография

- Л. И. Софийский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414-1914 гг.). Псков, 2013. 232 с.
- И. И. Лагунин. Город-крепость Опочка по архивным источникам 1414-1698 гг. Архитектура и градостроительство // Псков, 2018, № 48. С. 3-37.
- Я. Н. Рабинович. Неизвестные страницы истории Псковских пригородов Опочки и Себежа XV-XVI веков // Изв. Саратов. ун-та Нов. Сер. Серия История. Международные отношения, 2016. Т. 16, вып. 3. Стр. 262-269.
- [...] А. М. Гордин. «...На Опочке над Великою рекою». Исторический очерк // И путешествие в Опочку... Альманах / сост. Е. В. Васильева и др. - Псков-Опочка: изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2000. С. 7-27.
- [...] И. П. Бутырский. Опыт древней истории города Опочки. Псков: Изд. Ник. Иван. Куколькина, 1879. С. 148.
- И. И. Лагунин. Иван Егорович Старов для Опочки // Веретено событий, судеб. Материалы XI историко-краеведческих чтений 2019 года. Опочка, 2020. С. 59-76.
- [...] А. М. Гордин. Опочецкий мещанин и медного дела мастер // Потомкам древнерусской Опочки. Материалы историко-краеведческих чтений 2010 года. Опочка, 2011. С. 9-15.
- [...]